

ВАЛЕРИЙ
ШАРАПОВ

Жестокое эхо ВОЙНЫ

Тревожная весна 45-го. Послевоенный детектив

Валерий Шарапов

Жестокое эхо войны

«ЭКСМО»

2021

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Шарапов В. Г.

Жестокое эхо войны / В. Г. Шарапов — «Эксмо»,
2021 — (Тревожная весна 45-го. Послевоенный детектив)

ISBN 978-5-04-161984-8

Великая Отечественная война закончилась. Органы НКВД проводят учет демобилизованных военнослужащих с уголовным прошлым. Есть опасение, что, вернувшись домой, они могут влиться в столичный криминал. Бандиты решают опередить оперативников и завладеть важным архивом. Но на их пути становятся сотрудники МУРа. В результате жестокой схватки уголовникам удастся захватить в заложники раненого оперуполномоченного Александра Василькова. Для его друга майора Ивана Старцева спасти товарища от неминуемой смерти становится делом чести...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-161984-8

© Шарапов В. Г., 2021
© Эксмо, 2021

Содержание

Пролог	6
Глава первая	11
Глава вторая	16
Глава третья	23
Глава четвертая	29
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Валерий Шарапов

Жестокое эхо войны

© Шарапов В., 2021

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

Пролог

Москва, площадь Коммуны; июль 1945 года

Вчерашний прогноз сбывся в точности: погода в этот июльский день была отвратительная. Две недели подряд голову пекло стоявшее в зените, посреди чистого голубого неба, солнце, а сегодня – здрасьте-пожалуйста – холодный северо-восточный ветер, тяжелая низкая облачность, мелкий моросящий дождь. Если бы вдобавок к этому с деревьев полетели желтые листья, горожане решили бы, что середина лета в одночасье сменилась серединой осени.

Ударивший сильный порыв едва не сорвал с головы кепку. Ухватив ее широкой ладонью единственной уцелевшей на войне руки, сорокалетний Прохор витиевато выругался и натянул ее поглубже. Затем поднял воротник пиджачка и нехотя ответил на вопрос юного напарника:

– Ты ж пойми, орысина: лоб и борта у танка знатно облеплены броней – так просто ее не взять. На то он и танк, чтоб не замечать пуль с гранатами. Зато нижний бронелист у него тонкий, аккурат такой же, как верх у башни, – двадцать миллиметров.

Розовощекий оголец¹ Валька с надеждой смотрел на возрастного Прохора.

Но тот огорчил:

– Не, твоей гранатке это не по зубам.

– Как же так?! Такая тяжелая дура и «не по зубам»?! – искренне негодовал мальчишка. – Там же порошу небось цельный фунт!

– Болтай – фунт! Не фунт, а сто десять граммов.

– Все равно жажнет – будь здоров! Так что же, не возьмет, говоришь? Даже если закинуть под брюхо целую связку?

– Связка может опрокинуть, но, опять же, осколками не пробьет. Противотанковая для такого дела требуется. Были у нас такие – «РПГ-41» назывались. Грозная штукавина. Фугасная, кило взрывчатки внутри. Вот та жажала! У нас же с тобой обыкновенная – противопехотная. А с обыкновенными – как повезет.

– Авось подорвем, а?

– На авось, паря, в таких делах надеяться негоже. В бою либо ты врага, либо он тебя, и больше никак. Потому надобно наверняка! Усек?..

Валька был сметлив и понятлив. Правда, кое-какие вопросы в его голове ответов не находили. Например, почему о броне и гранатах Прохор рассказывал ему только сейчас – за несколько минут до появления бронеавтомобиля? Почему не обмозговать все эти заковырки заранее?

Что-то главарем банды для будущего успеха, безусловно, делалось. Почти две недели он посылал сюда огольцов для слежки за бронеавтомобилем. Меняя одежду и место наблюдения, те раз за разом вынюхивали график, выясняли маршрут движения. А вот в остальном главарь полагался на тот самый «авось», по которому только что язвительно прошелся Прохор.

* * *

Молодой Валька Неукладов и Прохор Панкратов прогуливались по Самотечному бульвару, разбитому между улицами Самотечная и Дурова, прямо перед площадью Коммуны. Редкие прохожие не обращали внимания на эту пару. Ну, гуляет инвалид войны с дождавшимся его сынишкой или племянником – что с того?..

---

¹ Оголец – несовершеннолетний преступник.

Влево от бульвара уходила кривая Селезневская, вперед прямой стрелой улетала Божедомка, правее виднелся Институтский переулок. А Самотечная далеко позади упиралась в Садовое кольцо. На Садовом кипела жизнь: куда-то спешили сотни пешеходов, двумя потоками в разные стороны бежал транспорт.

На самом бульваре было тихо. Странно, но зажатый между двух проезжих улиц бульварный клин не привлекал толпы людей ни до войны, ни после. Даже в самую хорошую погоду на здешних лавочках под сенью старых лип отдыхали разве что жители соседних домов. Оживленно здесь было только во время войны...

Осенью сорок первого года на площади Коммуны окопалась батарея зенитных пушек «52-К». Причем окопалась – в прямом смысле слова, превратив все вокруг в подобие строительной площадки. На бывшей площади чернели горы открытого грунта, между ними на выровненных площадках стояли зенитные орудия. Повсюду валялись пустые снарядные ящики и бревна для возведения блиндажей, на деревянных колышках качались телефонные провода.

При устройстве батареи военные пощадили только старые липы, да и те были оставлены ради маскировки. Строгие часовые не допускали на позиции горожан, заставляя их обходить запретную зону по остаткам тротуаров. Постепенно облик некогда цветущей мирной площади стал забываться. Однако не прошло и двух месяцев со Дня Победы, как это местечко вновь обрело прежний уютный вид, заиграло на летнем солнце яркими красками. Грунт разровняли, привезли щебень, бордюрный камень, асфальт... Разбили аллеи и цветочные клумбы, заботливо высадили цветы, кустарник и новые деревья взамен погибших старых.

Уже в июне на площади появился прекрасный сквер с продолжением в виде бульвара вдоль улицы Самотечной.

* * *

Валька нервничал. В одной руке он держал холщовую сумку, другой машинально таскал из кармана каленые семечки. Его возрастной товарищ степенно вышагивал рядом. Ни во взгляде, ни в жестах, ни в походке его не было и намек на волнение. До появления бронированного автомобиля оставалось минут десять-пятнадцать. Он должен был протарахтеть своим слабенкиным двигателем вдоль сквера на площади, затем повернуть к центру города.

– Ты давеча сказывал, будто сталь у броневика пожиже, чем у танка. Так ведь?

– Это я так рассудил вслух. А как оно на самом деле – знать не знаю. Нам ведь никто не дозволил разглядывать тот броневик. Издали изучали...

До сего дня парочка дважды появлялась на площади Коммуны примерно в это же время. Налегке, без холщовой сумки. Так же прогуливались, делая вид, что беспечно болтают за жизнь. Валька лузгал семечки, Прохор смолил папироски. А сами глядели на проползавший мимо броневик.

– Так что же делать, Проша? – развел руками юный корешок, смешно вывернув вперед ладони. – Я так и не понял, как нам с ним сладить.

– Смекалку прояви, – хитро прищурился бывший вояка. Потом скривился и проронил: – Хотя какая у тебя смекалка! Бивень...²

– Чего сразу бивень-то?!

– А кто ж ты? На фронт бы тебя на полгода – там твои мозги быстро с изнанки на лицо перевернулись бы. Окопная житуха заставила бы. Как нас в сорок первом...

Сегодняшний день для нападения на броневидомобиль был выбран главарем банды Беспалым не случайно. Еще вчера в новостях по радио прозвучало предупреждение о надвигающейся на столицу непогоде. Диктор пообещал резкое понижение температуры, дождь и силь-

---

² Бивень – придурок.

ный порывистый ветер. «Подходяще! – довольно потирал руки Беспалый. – В такую погоду улицы опустеют. Ни легавых, ни свидетелей!..»

Он оказался прав: Валька с Прохором за четверть часа насчитали не более десятка прохожих. Сейчас вокруг не было ни души. Свинцовые облака цепляли крыши домов; дождь то слабел, то накатывал свежей волной.

– Беспалый как-то сказывал, что пощипали вас поначалу, – не унимался говорливый малый.

Дойдя до конца липовой аллеи, Прохор остановился, достал из кармана пачку «Беломора», вытряс папироску, смял гармошкой мундштук... Все это он проделал одной левой рукой – наловчился за год инвалидской жизни. Правую руку сержант потерял в сорок четвертом, и сейчас пустой рукав поношенного пиджака был заправлен в боковой карман.

Отворачиваясь от порывов ветра и капель дождя, старый вояка чиркнул спичкой, выпустил клуб дыма и нехотя процедил:

– Было, чего уж. Хлебнули мы тогда с избытком. Немец в сорок первом пер нагло, похозяйски. Мы все больше драпали, а когда политруки с особистами брали за горло, копали окопчики и шмаляли из винтовок по танкам.

– Из винтовок?!

– Из них, родимых. Потому как ничего другого у нас не было. Патронов и тех по пять штук на брата давали.

– И как же вы?

Прохор прокашлялся, сплюнул на асфальт:

– «Тигры» у немца появились опосля, а в сорок первом нас утюжили «Т-4». Они попроще, поменьше, да все одно страх до костей пронизывал. Ползет на тебя серая туша, не замечая колдобин, приямков, заборов и «колючки». Ощетинилась пушкой, пулеметами, и все ей нипочем. Ничем ее, суку, не взять! Мы-то с дури и со страху гранатами точно в лоб норовили, а там самая толстая защита. Потом уж догадались – стали кидать под гусеницу.

– Ага! Значит, броневнику тоже под гусеницу нужно?! – просиял Валька.

– Под какую гусеницу, бивень? Нету их у броневика! Али не заметил, что у него колеса?

– Заметил! Как не заметить!

– Под колесо – запомни! И желательно под переднее – где мотор.

– Понял-понял, Проша! Под колесо. Сделаю.

– Я бы сам сделал, – снова закашлялся тот, – да не привык левой швырять. Завсегда правую в этом деле пользовал.

– Справлюсь! Слово даю!..

– Тихо ты! – оборвал его бывший сержант-пехотинец. – Вроде от Божедомки бормочет. Оба замерли. Бульвар тонул в шелесте липовых крон.

– Ничего не слышу. Одни листья, – развел руками Валька.

– Эх-х, подфартило мне с помощничком, – проворчал Прохор. – Бормочет мотор-то, соберись!..

* * *

Фонд обороны Союза ССР был создан в сорок первом году по инициативе простых советских граждан. Просуществовав до победного сорок пятого года, он собрал в виде добровольных отчислений и именных взносов огромные денежные средства. В течение войны на них строились боевые корабли и подводные лодки, танковые колонны и авиационные эскадрильи, бронепоезда и артиллерийские батареи. Закупались продовольствие, обмундирование, медикаменты, боеприпасы... Всего за годы войны только жителями Москвы в Фонд было внесено более двух с половиной миллиардов рублей. Ошеломляющая по тем временам сумма!

Денежные переводы продолжали поступать в Фонд и после Победы, когда исчезла необходимость в заказах нового вооружения. И тогда руководство страны приняло решение ликвидировать Фонд обороны, а оставшиеся средства перевести на специальный счет Госбанка СССР, открытый для финансирования восстановления народного хозяйства.

С конца июня сорок пятого года из здания Московского отделения Фонда ежедневно выезжал инкассаторский броневедомитель с несколькими опечатанными мешками наличных денег, собранных москвичами и жителями области. Только однажды в неделю броневедомитель отвозил деньги в отделения Госбанка, расположенные на севере столицы. Все остальные дни начальный этап маршрута его передвижения оставался неизменным: от площади Борьбы, через Божедомку и Самотечную, до Садового кольца. Далее он направлялся в то отделение Госбанка, куда было предписано доставить наличность.

* * *

На площади Коммуны, в начале Божедомки, дежурил еще один оголец по прозвищу Косой. С глазами у него был порядок. Более того, он прослыл внимательным и зорким малым, а прозвище получил из-за врожденного дефекта верхней губы.

Покуда краснощекый Валька с инвалидом Прохором вслушивались в нараставший гул мотора, Косой просигналил: «Едет!» Подельники, которых вокруг площади рассыпалось более десятка, изготовились к встрече...

Мотор тархтел все ближе. И вот наконец с Божедомки вырулил угловатый узконосый броневедомитель. От своих боевых собратьев, участвовавших в войне, он отличался отсутствием пулеметной башни. В остальном это был типичный броневедомитель «БА-64». Наклонные стальные листы, выкрашенные в темно-зеленый цвет; люки, бойницы, запасное колесо на корме, закрепленный по бортам шанцевый инструмент...

Валька засуетился и, не спуская глаз с приближавшегося автомобиля, быстро сунул руку в холщовую сумку.

– Да не мельтеши ты, – пробасил Прохор. – Рано еще.

– Помню-помню, – кивнул оголец. – Кидать надо с упреждением, когда останется метров тридцать. И целить под переднее колесо, верно?

– Все так...

Они продолжали неторопливо вышагивать по аллее. От проезжей части их отделяла неширокая полоса грунта, где росли липы с низким кустарником. Броневедомитель приближался, мелькая за растительностью гранеными боками.

Бывший вояка привычно разгладил усы:

– Время, Валек. Изготовься.

Тот послушно вынул гранату «РГ-42», крепко зажал ладонью рукоять и приготовился выдернуть кольцо предохранительной чеки.

– Задержка три-четыре секунды, – напомнил Прохор. Затем прищурился, оценивая оставшееся расстояние, и прохрипел: – Давай!

Малец подбежал к ближайшей липе. Спрятавшись за ее стволом, решительно выдернул кольцо, размахнулся и швырнул гранату навстречу броневедомителю.

Бросок вышел не шибко удачным: граната ткнулась об асфальт короткой рукояткой и, слегка изменив направление, поскакала мимо траектории движения бронемшины.

Матюгнувшись, Прохор гаркнул:

– От неумеха окаянный! Навязался на мою шею!

Упреждение малец рассчитал неплохо, но подвело направление броска. Граната взорвалась слева от автомобиля, не нанеся повреждений ни колесам, ни моторному отсеку.

Звук взрыва эхом разнесся по площади. Где-то зазвенели лопнувшие стекла, к серым тучам взметнулась стая голубей.

Броневи́к вильнул в сторону от разорвавшейся гранаты; из-за резкого движения колеса потеряли сцепление с мокрым асфальтом. Проскользив юзом метров двадцать, машина тюкнулась о бордюр и остановилась.

– Ну, хоть так, – проворчал Прохор, взводя курок револьвера. – Поспешай!..

Со всех сторон к броневика бежали подельники; каждый был вооружен пистолетом, револьвером или обрезом трехлинейной винтовки.

Внезапно из круглых бойниц один за другим высунулись два автоматных ствола, и по площади заметалось эхо частых выстрелов. Первые же очереди сразили несколько бандитов. Остальные, позабыв об атаке, кинулись прятаться от свинца за деревьями, под лавочками и за ближайшими зданиями.

Экипаж броневика состоял всего из двух человек: водителя и командира, отвечавшего за перевозку денег. Оба были вооружены пистолетами-пулеметами «ППШ»; на кронштейнах внутри машины хранился большой боезапас снаряженных дисковых магазинов.

Кто-то из напуганных горожан позвонил в милицию и сообщил о происшествии. Минут через семь-восемь на площадь Коммуны прибыли первые милицейские машины и мотоциклы.

Перестрелка к этому времени уже стихла.

Глава первая

Москва, 1-й Крестовский переулок, ресторан «Гранд», через два дня

К пятидесяти пяти годам Сафрон Володарский оставался мужиком видным, по-своему симпатичным. Широкие плечи, стать, волевое лицо с изогнутым шрамом и тонкими усиками, которые в силу возраста приходилось подкрашивать специальной темной краской. Этакое воровское достоинство в каждом движении, в каждой сказанной фразе. Говорил он складно, правильно, и если бы иной раз не вворачивал блатные словечки, то вполне сошел бы за образованного интеллигентного человека.

Имея неплохой вкус, Сафрон хорошо одевался, любил дорогие вещички и вообще умел выгодно подать себя на воровских сходках. Бывало, молчит, слушает, как подельники горячатся, спорят... Потом остановит базар едва приметным жестом и выдаст свое заключение, обосновав его коротко и понятно.

Годы не брали Сафрона. Разве что густые волнистые волосы стали быстро сесть на висках. Но и это не испортило его внешности, добавив шарма и пару козырей в колоду авторитета.

– Дед, там такое дело... – нависнув над ухом, встревоженно зашептал восемнадцатилетний племянник Лавр.

– Что еще? – насторожился именинник. Сегодняшний вечер в ресторане не располагал к неприятным новостям.

– Я сейчас до сортира бегал. Там, в зале, кажись, Беспалый за столиком отдыхает. В одно рыло бухало глушит.

– Беспалый? Один, говоришь?

– Ну да! Поговаривают, банду его пощелкали недалеко от Садового.

Дед Сафрон слышал о неудаче банды Беспалого, но дерзкий замысел налета на броневик ему понравился.

Пожевав губами, он поглядел на стол, на пьянеющих гостей. И приказал:

– Вот что, Лаврушка: организуй-ка по-быстрому местечко рядом со мной и пригласи его сюда. Вежливо пригласи.

– Понял. Один момент...

Ресторан «Гранд» издавна привлекал блатных разного пошиба. Крестовский переулок, посередине которого располагалось его двухэтажное здание, был тихим, не проходным. Начинаясь переулок у площади Рижского вокзала, где шум, грохот и суматоха смолкали лишь к глубокой ночи. Заканчивался он у насыпи ленинградской железнодорожной ветки, по которой то и дело стучали колесами пассажирские поезда и товарные эшелоны. В случае шухера из ресторана можно было незаметно выскользнуть на улицу через любое окно или служебный вход и бесследно раствориться в ночи.

Впервые ресторан в Крестовском распахнул свои двери перед гостями в начале тридцатых и быстро завоевал славу уютного, респектабельного и передового заведения общепита. В «Гранд» стали приходили выпить кофе или сухого вина, пообедать, отдохнуть с семьей или пообщаться с друзьями. Идиллия продолжалась лет пять, после чего репутация заведения покатила вниз. Каждого посетителя, рискующего заглянуть в этот ресторан, уже в фойе встречали шум, грязь, неприятные запахи, мутные пьяные личности. Столы толком не убирались, в зале стоял табачный смог, служба грубила и безбожно обшчитывала. Нормальные клиенты перестали жаловать «Гранд», и вскорости его судьба оказалась под вопросом.

Положение спасло новое руководство в лице двух человек: директора Лазаря Лившица и ушлого администратора Иннокентия Разгуляева. Оба каким-то образом были связаны с криминалом, реформы в ресторане велись при его непосредственном участии.

В результате вышло следующее. Общий и самый огромный зал, высотой в два этажа, остался доступным для простого московского люда. Тут в общей сложности находилось двадцать четыре стола разной вместимости – на две, четыре, шесть и восемь персон. Кроме общего зала имелось несколько банкетных. Их под себя обустроил московский блатной народ.

В центре самого большого банкетного зала стоял стол в форме буквы «П». Зал вмещал тридцать шесть гостей и был востребован для юбилеев, свадеб, похорон и крупных сходов банкетских главарей. Следующий зал из-за отсутствия окон и за полную звукоизоляцию получил название «Шкатулка»; он вмещал шестнадцать гостей. В конце длинного коридора имелось два небольших кабинета для камерных компаний. За их столами собиралось для обсуждения важных вопросов по четыре-шесть человек.

* * *

Этим вечером Дед Сафрон отмечал в ресторане «Гранд» свой пятьдесят пятый день рождения. Для этого мероприятия он зарезервировал «Шкатулку», где уединилась компания из ближайших родственников и самых преданных дружков. «Шкатулка» по праву была одним из лучших залов в ресторане: двери и внутренняя отделка – из дуба под красное дерево с полировкой под лак; красивые вставки линкрустом по сукну; дубовая мебель под старину, обитая редкой шагреновой тканью. Мягкий желтоватый свет электрических светильников, выполненных под бронзовые канделябры.

Компанию обслуживали три вышколенных официанта, шустро менявших тарелки и зорко следивших за наполненностью хрустальных рюмок. На полированной этажерке в углу кабинета вращал пластинки патефон, но голосов Лещенко, Шишкиной, Северского и Певницкой слышно не было. Напрочь прокуренный воздух сотрясали громкие голоса воров и бандитов. Перебивая друг дружку, они что-то рассказывали, вспоминали, смеялись... За ломившимся от выпивки и богатой закуски столом молчал только именинник. Он находился в родной стихии и был весьма доволен.

Уважительное прозвище Дед Сафрон Володарский получил в середине тридцатых. Ныне ему стукнуло пятьдесят пять, а впервые за решеткой он оказался еще до революции. Тогда его – юного оборванца – схватили за руку, когда он подрезал кошелек на Сухаревском рынке. Отвратительно подрезал – чего греха таить. Неумело, грубо. За что и поплатился – был выпорот городовым и отправлен на улицу увесистым пинком под костлявый зад.

С того злополучного дня он и повел летопись своей криминальной биографии. Первый серьезный срок отмотал тоже до революции, но уже не юнцом, а рослым молодым мужчиной. Потом пошло-поехало... Выйдя на свободу в двадцать третьем, Сафрон дал зарок, что больше не сядет. К тому моменту в стране уже действовало более трех с половиной сотен лагерей НКВД, ВЧК. И условия содержания в них были в тысячу крат хуже, чем каторга при царском режиме.

Сколотив новый хоровод³, Сафрон начал действовать с предельной осторожностью. Каждое дельце он готовил с таким тщанием, словно оно было последним в его жизни. Кто-то из корешей подтрунивал, кто-то выказывал недовольство и торопил – дескать, за упущенное время могли бы уже озолотиться. А потом порошние разговоры стихли, ибо банда Сафрона раз за разом штопала⁴ магазины, базы, склады и даже отделения Госбанка, не неся при этом потерь.

К концу двадцатых блатной люд зауважал Володарского за ум, выдержку и прозорливость. А когда тот разменял сороковник, стали почтительно называть Дедом. А фамилия Володарский из обихода авторитетов постепенно ушла.

---

³ Хоровод – шайка, преступная группа.

⁴ Штопать – грабить.

* * *

Беспалый, мрачный и подавленный, появился в «Шкатулке» в сопровождении Лаврушки.

– Кого я вижу! Держи кардан, – протянул ладонь кто-то из людей Деда.

Шлепнув по ней на ходу, Беспалый проследовал к имениннику.

– Поздравляю, – сказал он и полез в карман пиджака. – Не знал о твоём юбилее. Вот, прими от меня...

В кабинете стало тихо. Взгляды гостей приклеились к массивному портсигару, блеснувшему золотом высшей пробы.

Именинник бережно принял необычную вещицу, осмотрел ее со всех сторон, щелкнул замком, открыл. Внутри под светлой резинкой лежал ровный ряд дорогих папирос.

– Что ж, спасибо за подарок. Присаживайся рядом, угощайся. Лавр, налей гостю...

Спустя четверть часа Беспалый с бесконечной грустью в глазах заканчивал невеселый рассказ о недавнем провале на площади Коммуны. Говорил он тихо и только для Деда. Больше никого в свой позор посвящать не хотел.

– ...Пятеро уцелели из двенадцати. Трое легкораненых. Невредимый Косой-подворыш⁵ семнадцати лет да я. Семерых из автоматов положили. Суки! Ни в жисть бы не подумал, что такая веревка⁶ случится, – процедил он и опрокинул в рот очередную рюмку.

Наблюдая за неудачливым коллегой, Дед Сафрон лениво покурил папироску. Портсигар поблескивал золотой крышкой на столе, рядом с тарелкой.

Беспалый был моложе Деда лет на пятнадцать. Он тоже выглядел крепышом, хотя и не таким высоким, статным и породистым, как собеседник. Он скорее походил на усталого тру-дяду, отпахавшего на фабрике рабочую шестидневку.

Редкие темные волосы с длинным чубом, землистого цвета лицо, красноватые от бессонницы глаза, грубые ладони с пожелтевшими от табака пальцами. Говорил он неровно, с придыханием, беспокойный взгляд метался по столу и собутыльникам. «Работяга или выходец из дальнего села», – сказал бы про него коренной москвич. И ошибся бы на все сто, ибо прадед его – Александр Кучин – был дворянином среднего достатка из подмосковного Кунцева.

Во всем помещик Кучин был необычным человеком: жил необычно и на тот свет отправился странным способом. Изнурял своих крестьян непосильной работой, наказывал за любую провинность, пощады и доброты не ведал. В голодный восемьсот тридцать четвертый год крестьяне его питались мякиной, но помещик до последнего отказывался помогать им хлебом. Более того, на отхожие промыслы или сбор милостыни никого не отпускал, а уходящих самовольно приказывал забивать до полусмерти. Кончилось тем, что крестьяне задушили его подушкой прямо в спальне. Кучин был крепкий, так что двое мужиков держали его за руки, двое навалились на ноги, а еще двое – душили...

– И сколько ты планировал взять? – спросил Сафрон.

– Наколка случилась от Вано, будто возят ровно по полмиллиона.

– Ого! – не сдержал удивления Дед. – Я давно знаю Вано – он пасти вола⁷ не станет.

– Твоя правда – Вано ни разу не подводил.

– Постой, выходит, и он остался на площади Коммуны?

– И его завалили.

---

⁵ Подворыш – начинающий вор.

⁶ Вережка – крах, неудача, арест.

⁷ Пасти вола – обманывать.

– Жаль. Еще одного академика⁸ потеряли. – Сафрон подвинул гостью тарелку с закуской: – Ты давай ешь, не стесняйся. Тут все свои.

Беспалый нехотя наколот на вилку маринованный груздь и кольцо лука. Закинул в рот, медленно, с хрустом прожевал...

Ни крепкий алкоголь, ни общество надежных людей не могли вернуть ему хорошего настроения. Провал важного дела и потеря большей части банды подорвали веру в удачу. А заодно и в самого себя.

Барабанил пальцами по столешнице, Дед Сафрон погрузился в нелегкие думы...

Что он мог сделать? Никакие слова сейчас Беспалому не помогут. Влить остатки его банды в свою, а самого его назначить гончим⁹? Это не устроит ни того, ни другого. Беспалый привык быть первым. А у Деда уже есть неплохой помощник в лице племянша Лаврушки. Пока Лавр неопытен и молод, но через годик-другой возмужает, окрепнет телом и духом и станет незаменимым.

– Ладно, бобик сдох¹⁰. Не в каждом деле фарт у нас в попутчиках, – прервал молчание Дед. – Фараоново племя нас давит, устраивает засады, обкладывает, как волков. Но мы и не такое видали. Надобно подумать, как пополнить твою конюшню¹¹.

Всякий на месте Беспалого воспрянул бы духом, оживился, ведь помощь предлагал не абы кто – не банщик¹² и не фраер, а уважаемый в московском криминальном мире авторитет. Только веселости во взгляде молодого главара не прибавилось. Закинув назад свой длинный чуб, он криво усмехнулся:

– Не получится, Дед.

– Отчего же? – подивился тот.

– За доброту прими мою сердечную благодарность в виде еще одной наколки от Ваню.

– Что за наколка? И почему не получится пополнить конюшню?

– Сейчас все поймешь. – Беспалый наполнил их рюмки водкой. – За пару дней до налета на броневик прикончил Ваню баян сулейки¹³ в компании со швейцаром¹⁴ из военкомата. Тот по пьяной лавочке сболтнул лишнее, будто пришел к ним секретный приказ из главной богадельни...¹⁵

Услышав такое вступление, Дед Сафрон насторожился, придвинулся ближе:

– Из главной богадельни, говоришь? Так. И что же?

– В приказе сказано, что военкоматы всех мастей должны прошерстить личные дела демобилизованных вояк и выявить тех, кто был осужден по перечню прилагаемых к приказу статей.

– До войны осужден? – не понял Дед.

– С довоенной поры и поныне.

– И что же с ними легавые намерены сделать? Опять, что ли, на нары?

– Кого на нары, кого под строгий учет. Так, чтоб каждый день представлять пред ясны очи участкового и супротив своей фамилии ставить крестик.

Поковыряв спичкой меж зубов, юбиляр задумчиво проговорил:

– Стало быть, скоро пойдут повальные аресты. В том числе и среди наших корешей, носивших военную форму...

---

⁸ Академик – уголовник с большим опытом, авторитет.

⁹ Гончий – помощник, приближенный главара.

¹⁰ Бобик сдох – «все прошло», «больше к этому не возвращаемся».

¹¹ Конюшня – банда, группировка.

¹² Банщик – вокзальный вор.

¹³ Баян сулейки – литр водки.

¹⁴ Швейцар – армейский офицер.

¹⁵ Главная богадельня – Народный комиссариат внутренних дел СССР.

Будь Беспалый чуть внимательнее и прозорливее, непременно понял бы, что Сафрона это известие сильно расстроило. Он серьезно озаботился судьбой какого-то близко знакомого и очень нужного человека.

Но молодой главарь по-прежнему горевал, был погружен в себя и ничего такого не заметил.

– Вот и я о том же, – поднял он рюмку. – Так что о пополнении конюшни базарить рано. Убереечь бы тех, кто остался...

* * *

К полуночи веселье в банкетном зале поутихло. Патефон смолк. Несколько родственников Сафрона попрощались и ушли. Остались только кореша. Трое развалились в креслах у курительного столика. Едва ворочая языками, они что-то втолковывали друг другу. Двое спали: один на диванчике, другой за столом, притулив голову между пустых тарелок. Вездесущие официанты уносили грязную посуду.

Главари по-прежнему сидели рядом, допивая водку и дымя папиросами.

– ...А может, новые бирки?¹⁶ У меня есть один хороший маклер¹⁷.

– Нет, пару годных маклеров и я знаю, – решительно мотнул седой головой Дед Сафрон. – Но рисование новых бирок не спасет. Да и каждому не нарисуешь. Тут надобно поступить по-другому. Хитрее, азартнее, напористей!

– Это как же? – посмотрел на него осолопевшими глазами Беспалый.

– Недурно было бы захватить личные дела этих вояк. Как думаешь?

– Захватить?! – обалдел от неожиданности молодой главарь. – Как это – захватить?!

– Ты сказал, что во всех военкоматах шерстят личные дела демобилизованных, так?

– Ну да, сказывал.

– Значит, сначала шерстят и отбирают тех, кто ходил под статьей. После все отобранные дела отправляют туда, где с ними работают легавые. Копают, вынюхивают... Так?

– Должно быть, так, – согласился Беспалый.

– Значит, надобно прознать, куда они свозят документы блатных корешей, а потом обмусолить, что да как. Если все выгорит, мы разом убьем двух косых: обезопасим себя и пополним ряды новыми людьми.

– А не покоцают нас? Я слыхал, будто амнистию обещали. Может, подождать?

– Станный ты, ей-богу, – засмеялся Дед. – На броневики с автоматчиками полез, а плевую полувоенную контору стороной обходишь. Там же васьки¹⁸ в основном работают!

– Чего же обходить-то?.. Согласный я.

– Вот и законно. Прежде чем туда соваться, мы все обстригаем, Беспалый, – приобнял Дед Сафрон молодого коллегу. – Не дрейфь! Знаешь, когда я похоронил последнего близкого корешка? – Беспалый пожал плечами. – Ты не поверишь, это случилось три с половиной года назад. Зимой сорок второго. И по очень простой причине – он слишком любил выпить, и однажды утром его сердце не выдержало. Все остальные живы, они здесь, в «Шкатулке».

Взвесив все «за» и «против», Беспалый опустошил очередную рюмку и пожал Сафрону руку:

– Готов пособить, раз такое дело.

– Завтра вернемся к этому вопросу, перетрем на трезвую голову. А сейчас пора по хатам – поздно уже...

---

¹⁶ Бирка – паспорт, удостоверение личности.

¹⁷ Маклер – изготовитель фальшивых документов.

¹⁸ Васек – простодушный, доверчивый человек.

Глава вторая

Москва, Глотов переулок; июль 1945 года

Нудная, жутко надоевшая работа подходила к завершению. Александр Васильков считал оставшиеся часы до ее окончания и благодарил судьбу, что в старый корпус Таганского военкомата пришлось ездить всего неделю.

Как и многие боевые офицеры, он больше всего на свете не любил бумажную работу. А в военкомате как раз и поджидали его бумаги. Кипы бумаг! Десятки объемных стопок из личных дел военнослужащих и сопутствующих им документов: листов, справок, характеристик, списков...

Утро последнего дня работы в военкомате вышло скомканным. Неприятности начались за полчаса до выхода из дома. В ванную комнату большой коммунальной квартиры образовалась очередь, и брился Александр впопыхах. Ничего хорошего из этого не вышло – вернувшись в комнату, он принялся заклеивать пластырем порез на подбородке. Десятью минутами позже он не влез в переполненный автобус, пришлось бегом бежать на остановку другого маршрута. И, наконец, когда он шел от автобуса до Глотова переулка и по давней привычке незаметно глянул назад, приметил идущих следом странных типов. Широкие брюки, полосатые рубашечки, пиджачки нараспашку, сдвинутые на ухо кепки. И неизменные папироски в блестящих фиксах.

«Похожи на обычную шантрапу. Сколько им? Лет по семнадцать-восемнадцать. Дети еще... Третий месяц пошел, как я вернулся с фронта, а в каждом втором мерещится противник, – посетовал про себя Васильков, заходя в старый корпус военкомата. – За что мне все это? Никак не отделаюсь от привычек военной разведки...»

Поздоровавшись с дежурным нарядом, Александр проследовал длинным и прямым коридором до большого кабинета, где завершалась проклятушая бумажная работа. На протяжении первых трех дней изнурительной недели сюда из всех районных военкоматов Москвы и области свозили отобранные личные дела ранее осужденных военнослужащих.

В большом кабинете в поте лица трудилось пять человек. Два младших офицера – сотрудники Таганского военного комиссариата, старший лейтенант Баранец, майор Васильков и подполковник Григорий Туманов. Последний был кадровым военкоматовским офицером, успевшим повоевать ровно одну неделю. В сорок первом его – молоджавого капитана – назначили ротным на один из участков обороны Москвы. Шестеро суток его бойцы обустраивали позицию: вгрызались в землю, отрывая окопы и землянки, обустраивая блиндажи и пулеметные точки. На седьмой день подошла немецкая моторизованная дивизия и устроила форменную мясорубку. Восемьдесят процентов личного состава роты погибло. Туманов получил тяжелейшее ранение и выжил благодаря чуду. После госпиталя врачи оставили его в армии, но возвращаться на фронт запретили. С тех пор он служил на различных должностях в городском военном комиссариате Москвы. А на память о единственном бое остался орден Красной Звезды и обожженная шея.

– Здравия желаю, – поприветствовал присутствующих Васильков.

Глянув на часы, Туманов укоризненно качнул головой. Дисциплина в режимных организациях и на производстве сохранялась строжайшей и в послевоенное время – за опоздание на пять минут могли запросто дать пару-тройку лет исправительных работ.

Васильков опоздал всего на минуту. Проходя к своему рабочему столу, он негромко пояснил:

– В автобус не влез. Пришлось бежать на другой маршрут.

– Приступай к сверке дел с общим списком, – кивнул Туманов. – Сегодня надо закончить. Крайний час – девятнадцать ноль-ноль.

– Сделаю, товарищ подполковник.

- Старцев, кстати, звонил. Тебя спрашивал.
- Что-то срочное?
- Интересовался, когда освободитесь. Дело ему начальство вроде подкинуло непростое. Жаловался, что людей не хватает.
- Направляясь к телефонному аппарату, Александр вздохнул:
- Да, нам бы еще двух-трех опытных сыскарей в группу. А то иной раз столько наваливается, что не понимаешь, утро сейчас или вечер...
- Набрав номер Управления и добавочный своего отдела, он услышал бодрый голос друга:
- Старший оперуполномоченный Старцев у аппарата...

* * *

Оперативно-разыскная группа майора Ивана Старцева в настоящем составе сформировалась недавно, но это не мешало ей считаться одной из лучших в Московском уголовном розыске. Группа специализировалась на бандитизме и убийствах. Легких преступлений, типа карманных краж в транспорте и на рынках, ей не поручали.

В первые годы войны группой руководил легендарный сыщик и ветеран МУРа Прохоров, а рядовыми операми тогда были совсем другие люди.

Иван Харитонович пришел в уголовный розыск осенью сорок третьего, закончив длительное лечение после тяжелого ранения под Рыльском. Прохорову он пришелся по душе: хваткий, энергичный, внимательный, способный к быстрому обучению. И через год, когда Прохорова «сосватали» на вышестоящую должность, он порекомендовал Урусову на свое место Старцева.

Росту Иван был небольшого – среднего или около того, а опираясь на трость, сутулился и казался еще ниже. Однако ловкостью и силой природа его не обидела. Он походил на простоватого деревенского парнишку с широкой костью, темными волосами и смуглой кожей. Между тем, кроме простоватой внешности, ничего деревенского в нем не было.

Родился он в старом одноэтажном бараке, с крыльца которого было видно подмосковные Ащерино и леса Карпинской Горы. Единственный колодец с мутной водой на восемь одинаковых барачных, единственный уличный туалет над зловонной выгребной ямой, единственный магазин с дешевой водкой и серым, плохо пропеченным хлебом.

Семье Старцевых повезло. Жили они в таких условиях недолго, в двадцать втором году отец Ивана получил комнату ближе к центру – в добротном пятиэтажном доме дореволюционной постройки с водопроводом, канализацией и собственной котельной в подвале. За некоторым исключением в здешних сорока квартирах обитала недобитая большевиками интеллигенция: врачи, преподаватели, инженеры, актеры, музыканты. Дабы разбавить эту публику и приблизить ее к народу, районный жилищный комитет обустроил на первом этаже большую коммуналку, объединив две смежные квартиры. И подселил туда полдюжины законченных алкоголиков во главе с переболевшей сифилисом воровкой по имени Роза.

Спустя несколько месяцев беспокойного соседства маленький Иван вдруг осознал, что научился сравнивать и оценивать людей по их поступкам и образу жизни. Спустя еще несколько лет он твердо знал, каким курсом отправится во взрослую жизнь.

Выбор он сделал правильный. Окончив в тридцать восьмом году среднюю школу и получив приличный аттестат, он решил поступать в Подольское артиллерийское училище...

Потом молодой лейтенант Старцев воевал. Причем воевал хорошо, по-настоящему. После сдачи немецким полчищам Киева и Смоленска, после серии проваленных контрнаступлений и безнадежных кровавых котлов он стоял насмерть, обороняя Москву.

На одном из оборонительных рубежей его батарея из шести орудий уничтожила семнадцать немецких танков. Сам Иван Старцев был тяжело ранен и, находясь на лечении в госпитале, получил за этот бой орден Красного Знамени.

После госпиталя он хотел вернуться в артиллерию, но загремел в пехоту. Тогда не спрашивали, кто куда хочет, отправляли туда, где не хватало людей. В пехоте Иван тоже не потерялся: через несколько месяцев за смекалку и проявленную отвагу получил второй орден и был переведен в разведку. Там он и познакомился с Александром Васильковым.

Два земляка оказались близкими по духу и быстро превратились в неразлучных друзей. Так и ходили они за линию фронта в одной группе, пока в июле сорок третьего года капитан Старцев не напоролся на нейтралке на немецкую противопехотную мину.

Летней ночью разведгруппа возвращалась с задания. Преодолевая по «коридору» минное поле, один из бойцов был ранен пулеметным огнем и, корчась от боли, задел противопехотную мину. Осколком Старцеву серьезно повредило ногу. Началось долгое лечение и мытарства по тыловым госпиталям...

Военные хирурги собрали его ступню по кусочкам. Он долго разрабатывал ее в надежде вернуться на фронт, однако строгая комиссия вынесла однозначное заключение – комиссовать.

По натуре Иван был настоящим бойцом и на гражданке не сдался – обиды не затаил, «горькую» пить не начал, в сторожа или кочегары не подался. Каждый день он наматывал по родной Москве с десяток километров, и когда поджившая нога позволила отказаться от костылей, надел офицерскую форму с орденами, взял легкую тросточку и пошел на прием к начальнику Московского уголовного розыска.

В сорок третьем эту должность занимал Касриэль Рудин¹⁹ – интеллигент, умница, профессионал. Войдя в кабинет, Иван четко, по-армейски, изложил суть дела. Мол, есть опыт разведчика, есть огромное желание быть полезным Родине. Рудин ознакомился с документами, полистал партбилет, расспросил про службу и ранение. Затем вызвал кадровика и приказал затребовать для изучения личное дело.

Людей в угрозыске катастрофически не хватало, да и кандидатура бывшего разведчика оказалась подходящей. И ровно через неделю – по окончании проверки – его зачислили стажером в штат МУРа.

Старцев быстро набрался опыта и дорос до руководителя оперативно-разыскной группы, получил майорские погоны. Служба в МУРе стала для Ивана Харитоновича главным делом жизни. Случалось, что он работал без сна и отдыха по несколько суток кряду. Коллеги и подчиненные уважали его за прямоту, энергию, негибкость. Начальство терпело его странности и за ударный труд прощало майору все.

* * *

К счастью, мучительный марафон длиной в одну неделю завершался.

А началось это испытание с того, что дней восемь назад комиссар Урусов вызвал к себе майора Старцева и ознакомил с секретным приказом Наркома.

Приказ гласил: «На местах, в военных комиссариатах всех уровней, отобрать и тщательно изучить личные дела военнослужащих, ранее осужденных по статьям (перечень прилагается) Уголовного кодекса РСФСР. 1926 года. А также по перечню правовых актов, введенных Советом Народных Комиссаров СССР и Президиумом Верховного Совета СССР в период от 2 июля 1941 года по 15 ноября 1943 года. Особое внимание уделить военнослужащим, осужденным Военным трибуналом Вооруженных Сил СССР. После изучения всех предоставленных документов личные дела промаркировать в соответствии с прилагаемым секретным трехзнач-

---

¹⁹ Рудин Касриэль Менделевич – начальник Московского уголовного розыска с 1939 по 1943 год.

ным кодом. По окончании данной работы всех склонных к возвращению к преступному прошлому арестовать независимо от физического состояния...»

Приказ был логичным и крайне необходимым, ибо преступной швали в период войны и после ее окончания расплодилось немерено. Урусов вызвал к себе руководителей оперативно-разыскных групп и потребовал откомандировать по два опытных сотрудника в помощь военкомовским служивым. Выбор Старцева пал на Василькова и Баранца.

В начале работы Александра весьма огорчил тот факт, что его и Ефима Баранца угостило попасть в Таганский военкомат, куда стекались сотни отобранных личных дел с других районных военкоматов Москвы. В районах личных дел было в разы меньше, и после их отправки «на Таганку» работа на местах заканчивалась.

А в кабинете старого корпуса предстояло изучить не только все местные дела, но и присланные на короткий срок архивные документы Верховного Суда СССР и Военного трибунала Вооруженных Сил. Потом требовалось каждое личное дело промаркировать кодом. Васильков сразу смекнул, что рабочие дни растянутся часиков на двенадцать-четырнадцать, а полностью работа завершится как минимум через неделю. И не ошибся.

Помимо невыносимой нудности, работа по маркировке папок с делами оказалась чертовски нелегкой. Проще всего дело обстояло с двумя первыми цифрами кода, потому как для их определения не требовались никакие дополнительные документы. Только «личное дело».

Прежде чем поставить первую цифру на обложку картонной папки, приходилось выяснять, в каком физическом состоянии пребывает бывший военнослужащий. Здесь проще всего было с ушедшими в мир иной. То бишь с покойниками. Если взгляд наткнулся на запись: «Скончался вследствие ранения в голову. Дата. Подпись врача и военкома», то папка просто перекечывалась в дальнюю стопку, после чего о ней забывали. Были в личных делах покойников и другие записи, сделанные уже в мирное время: «Скончался от цирроза печени вследствие злоупотребления алкоголем»; «Доставлен в больницу с тремя ножевыми ранениями, скончался на операционном столе»; «Найден повешенным в собственном сарае». Сути это не меняло, так как в действующие московские банды влиться могли только живые.

Всем ушедшим на тот свет на первое место в коде рисовалась цифра «1». Жирная, заметная единица, напоминавшая любому взявшему в руки картонную папку: «Все. Этот угомонился».

Как-то в разговоре с Тумановым Васильков не сдержался и посетовал:

– За каким чертом из районов вообще прислали дела покойников? Неужели их нельзя было отсортировать на местах и там же оставить?

– Бюрократия, майор. И железная дисциплина, – пожал тот плечами. – Им приказали – они сделали...

Цифра «2» на первом месте кода обозначала инвалидность после тяжелого ранения. Такие люди были неработоспособны, их возвращение в криминал считалось маловероятным. Арест им не грозил, но они подлежали проверке и последующему наблюдению участковыми инспекторами. Цифрой «3» обозначались вояки, получившие легкое ранение или ранение средней тяжести. Они были частично работоспособны и могли быть арестованы для более тщательной проверки. Наконец, цифру «4» наносили на лицевые обложки папок тем, кто был абсолютно здоров и полностью работоспособен. Эти ветераны подлежали самому пристальному изучению.

Вторая цифра кода (от 1 до 5) обозначала воинские заслуги отвоевавшегося запасника. Данная оценка также была важна, потому что красноречиво говорила о его моральных качествах. Для выяснения заслуг приходилось копать в написанных химическими карандашами характеристиках, знакомиться с наградными листами...

А вот с третьей цифрой пришлось изрядно повозиться и понервничать. Она в секретном коде являлась главенствующей, так как служила оценкой вероятности возвращения военно-

служащего к преступному прошлому. Чтобы сделать верную оценку и не ошибиться, приходилось изучать от корки до корки не только «личное дело». Лопатили и те документы, которые всего на двое суток поступили в распоряжение группы Туманова из архивов Верховного суда и Военного трибунала.

Эти двое суток стали самыми сумасшедшими за всю неделю. Офицеры успели изучить документы и определить для каждого личного дела уникальную третью цифру. А когда секретные документы в запечатанном виде были отправлены восвояси, впервые позволили себе немного расслабиться – разошлись из военкомата по домам не в одиннадцать вечера, а в девять.

* * *

- Здорово, пропащий! – воскликнул Иван, узнав «на проводе» голос друга.
  - Привет, Иван!
  - Не заскучал там, на бумажной работе?
  - Да как тебе сказать... – Васильков покосился на Туманова. – Есть такое дело.
  - Ну, так давай возвращайся! Ты же говорил, что сегодня у вас последний день?
  - Все верно: последний. А что случилось-то?
  - Дельце одно подбросили, – проскрипел Старцев, и Васильков живо представил его кислую физиономию. – Слышал небось о стрельбе на площади Коммуны.
  - О ней весь город слышал. На броневик напали, который большие деньги перевозил.
  - Все верно. Вот нам и подсуропили разбираться, что да как. Бандитов перещелкали, один еле живой в больничке под охраной. Я послал к нему Бойко.
  - А чего не Егорова?
  - Егоров в морге на опознании. Он многих матерых в лицо знает, вот и взялся лично поглядеть на убиенных.
  - А ребята с броневичка как? Живы?
  - Не поверишь – ни одной царапины! Их уже к наградам представили.
  - Молодцы.
  - Так что, Саня, когда вас с Баранцом ожидать? Вы сейчас пригодились бы.
  - Мы освободимся только к вечеру – в семь тридцать или около восьми. Раньше никак.
- У нас тут тоже приказ с самого верха, – вздохнул Александр.
- Хорошо, Саня, занимайтесь. А как освободитесь – сразу дуйте в отдел. Мы уж вас тут встретим как полагается...

* * *

У Василькова путь в угрозыск сложился иначе. Вплоть до самой Победы он продолжал ходить за линию фронта в поиске «языков». Помимо этого, обучал молодое пополнение тонкостям диверсионной работы и ведению разведки. Войну он закончил майором с тремя нашивками за ранения и приличным «иконостасом» на груди.

Комдив уважал командира разведчиков. Все ж таки огромный опыт, авторитет, редкое по тем временам высшее образование, партийность, боевые ордена. После Победы он долго уговаривал Василькова остаться в строю, предлагал отправиться на учебу в академию. Но тот отказался, планируя поскорее вернуться к мирной жизни, к любимой профессии геолога.

Приехав в столицу, где он родился и вырос, Александр наведлся в Московское государственное геологическое управление. Из этого управления до войны его отправляли в полевые командировки, здесь он призывался в армию, отсюда уходил на фронт. Увы, почти все сотрудники находились в эвакуации в Семипалатинске, лишь несколько человек присматривали за пустым зданием. Пришлось перекраивать планы, искать другую работу.

Спустя полторы недели он устроился учеником слесаря на крупный номерной завод. Ужасающее однообразие будущей работы удручало. Васильков прекрасно понимал, что всякий честный труд почетен, что авиамоторный завод выпускает очень нужную для страны продукцию, но ничего поделать с собой не мог. Со времени командировок на Урал, где ему довелось бродить по бескрайним холмистым просторам, дышать чистейшим лесным воздухом и самому планировать свой рабочий распорядок, он не представлял себя в замкнутом душном пространстве. Видимо, поэтому так легко прижился в разведке, где ради выполнения поставленной задачи ему предоставлялась полная свобода действий.

Сложно предположить, чем бы закончился мучительный эксперимент, если бы в один из вечеров после рабочей смены Александр не заглянул в прокуренный пивной павильон. Взяв пару кружек пива, он устроился на свободном местечке и вдруг услышал свое имя. Приглядевшись, он распознал сквозь сизый табачный дым фронтового товарища – Ваньку Старцева.

Потискав друг дружку в объятиях, они покинули шумную пивную и долго потом сидели на лавочке в сквере под темнеющим майским небом. Вспоминали боевых товарищей, рейды по немецким тылам, рассказывали о себе... Расставшись в сорок третьем, они так и не имели известий друг о друге.

В тот день Александр узнал о службе Ивана в МУРе. Тогда же получил от него предложение попробовать себя в сыском деле. И тогда же, не раздумывая, согласился.

* * *

Работа шла споро, однако до обеда планируемую половину объема сделать не удалось. «Точно придется сидеть часов до восьми», – с грустью подытожил Васильков, прерываясь на обед.

Обедать из Таганского военкомата бегали за квартал в небольшую столовку при бухгалтерских курсах. Кормежка там была скудной, но выбора все равно не было – все понимали: не ресторан. Проглотив по порции жидких щей с куском ржаного хлеба, Васильков с Баранцом направились обратно в старый корпус. До конца получасового перерыва оставалось минут семь, потому шли неторопливо, покуривая.

За полсотни метров до входа в старый корпус Александр бросил взгляд назад. И снова заметил троих знакомых типов с папиросами между фиксами из белого металла.

Поднявшись в кабинет, Васильков подошел к окну и осторожно выглянул на улицу. Незнакомцы «паслись» в переулке, через дорогу от главного входа.

– Кого высматриваешь? – поинтересовался Туманов.

– Какие-то охламоны ходят за мной.

Подполковник встал рядом, пригляделся...

– Впервые их вижу. По возрасту похожи на призывников.

– На кой я сдался вашим призывникам?

– Они же не знают, что ты прикомандированный из МУРа. Просто заметили, как ты вышел из военкомата, и поперлись следом.

Объяснение Василькова не устроило, и он продолжал непонимающе смотреть на Туманова.

– Ну, к примеру, хотят договориться с тобой об отсрочке от призыва или что-то в этом роде, – разжевал тот непонятливому сыщику.

Сомнений не убавилось, Александр повел плечами:

– Что-то не очень-то они похожи на призывников. Самому старшему восемнадцать или чуть поболее, а двум другим и по шестнадцать не дашь. Опять же, фиксы, одеты как блатные в третьем поколении...

– Придираешься как профессиональный сыщик, – засмеялся Туманов, возвращаясь к своему столу. – А нам тут знаешь с какой шантрапой приходится работать? Порой тепленькими забираем, прямо с гулянок по случаю амнухи.

– По случаю чего?

– Амнистию блатные так величают. Он карманы чистил в транспорте, квартиры обворовывал или людей калечил. Отсидел и, как говорится, чист перед законом. Полностью восстановлен в правах. Раз такое дело – нам положено его взять на учет. Ежели медицина пропускает, то бреем налысо, обряжаем в форму и ставим в строй. А вояки из этих типов – сам небось знаешь какие.

Усаживаясь за стол, Александр вздохнул:

– Знаю. Встречал на фронте...

Глава третья

Москва, Глотов переулок; июль 1945 года

На следующий день, в назначенный час Дед Сафрон вторично повстречался с Беспалым. На этот раз разговор проходил без алкоголя, в спокойной обстановке, на лавочке одного из московских скверов.

Перетерев на трезвую голову, главари порешили объединить свои банды, после чего осторожный Сафрон перешел к теме касательно последней наколки Вано.

– В «Гранте» мы неплохо заправились²⁰, и я кое-что запамятовал, – начал он издалека. – Кажется, ты передал какие-то слова от Вано?

Беспалый оказался внимательнее и даже подивился тому, что Дед повторяется. Уверенно мотнув чубом, он подтвердил:

– Отвечаю, Дед, Вано слово в слово передал базар «швейцара». Мол, свозят делишки в одно место, там лопатят, перечитывают и ставят метку.

– Метку? – вскинул седую бровь Сафрон. – Я вчера о ней от тебя не слышал.

– Да, они ставят на делах метку. Но какую именно – не знаю. Да и «швейцар», видать, не в курсе, иначе Вано расколол бы...

По будущему дельцу говорили долго. Закинув под лавку очередной окурок, Беспалый согласился:

– Твоя правда – серьезных корешей у меня покамест нет – все подранены. Только молодежь осталась.

– Сколько?

– Двое. Валька Неукладов и Косой.

– Мало. Я подошлю к ним Лаврика – старшим будет. Пусть они пару-тройку дней попасут военкомовскую публику и срисуют для нас картинку – что да как, – сказал Дед, бросив свой окурок в стоявшую рядом урну. – А академиков отправлю к надежному благу²¹.

Беспалый поднял на него удивленный взгляд:

– Неужто до сих пор не веруешь в наколку?

– Верую. Только делишки свои я привык обстригать по-другому – чинно, складно, аккуратно. Чтоб не вышло как с броневином на площади Коммуны. Усек?

* * *

– ...Ты сильно не задавайся, Лаврик. Ты не главарь, а всего лишь гончий. И вообще... прибалтанный. А задаешься, будто три срока отмотал от звонка до звонка. Мы с Косым лиха не меньше твоего хлебнули, – обиженно поджал нижнюю губу Валька и, демонстративно поправив перебинтованную левую руку, отвернулся.

Наблюдая из-за куста сирени за тихарем²², Лавр смачно сплюнул сквозь передние фиксы. Как же они ему надоели!

Два огольца из разгромленной банды Беспалого сразу не пришлись Лаврику ко двору. Косой, при всей своей шустрости и наблюдательности, не нравился ему тем, что хреново сообщал. Приказы исполнял споро, но дальше дело не шло. Надежи на такого было мало.

С Валькой Неукладовым выходило ровно наоборот: живости ума ему бог не пожалел, а вот про ловкость и подвижность, видать, позабыл. Внешностью Валька обладал самой обыкно-

---

²⁰ Заправиться – пить спиртное, напиться.

²¹ Блат – связи, используемые в корыстных целях.

²² Тихарь – инспектор угро в гражданской одежде.

венной: видимых изъянов не имел. Разве что когда пацан волновался или переживал, щеки его покрывались розовым оттенком, а то и вовсе становились лиловыми. Однако все его движения получались угловатыми, будто мышцы с суставами сковала хворь.

В недавнем разговоре с Лавром Беспалый посетовал: «Если б гранату в броневики швырял не Валька, а опытный Прохор Панкратов, дело бы выгорело. Но Проша оставил на войне правую руку, пришлось поручать огольцу...»

Выходит, этот непутевый Валька и на площади Коммуны напортачил. А из банды его Беспалый не погнал лишь потому, что тот сполна заплатил за промах – автоматная пуля знатно саданула по предплечью, разорвав мышцы и задев костяшку.

– Я приказ выполняю, а задаваться и не думал. – Лавр решил не конфликтовать и немного сдал назад. – Приказ Деда Сафрона слышали?

– Ну, слышали.

– Так и нечего гундосить. Вас на стрем назначили, вот и зырьте.

– Говорю же, задаешься! – снова затянул свое Валька. – Не задавался бы, не командовал на каждом шагу...

Чаша терпения Лавра переполнилась. Резко обернувшись, он схватил Вальку за грудки и, хорошенько встряхнув, прорычал:

– Слышь, бездарный фраер!²³ Знаешь, как у нас таких учат?

Косой дернулся было заступиться за корешка, да встал как вкопанный – под кадыком клацнуло лезвие выкидного немецкого ножа.

– Не дергайся, валет²⁴.

Косой испуганно отступил на пару шагов, а Лавр, ловко покрутив меж пальцами ножик, подвел кончик лезвия под левый глаз Вальки.

– Беспалый простил тебя, растяпу, а в банде Деда Сафрона в случае шухера разговор короткий, – процедил он. – Либо чичи протараним²⁵, либо сразу вальнем²⁶. Завязал на память узелок?

– Завязал, – прошептал малец, стараясь не шевелить головой.

– Тогда зырь, куда сказано, и не трави баланду...

Огольцы Беспалого нехотя принялись посматривать в разные стороны. Их делом была подстраховка Лавра. Тот не спускал глаз с тихаря, а они секли по прилегавшим кварталам.

Тихаря Лавр раскусил еще третьего дня, когда впервые подкатил с компанией в Глотов переулок, где заметил рослого широкоплечего мужика. Одет тот был «по гражданке» и, топая от ближайшей автобусной остановки в сторону Таганского военкомата, незаметно ощупывал острым взглядом округу.

Было в его облике и пружинистой походке что-то необычное, подозрительное. Из-за скудости словарного запаса Лавр не мог это растолковать, но нутром понимал: это не работяга, не прощельга, не случайный прохожий. У тех в пустых головах завсегда барахталась только цель, расположенная где-то впереди, в нескольких кварталах. Целью могло служить что угодно: фабрика, магазин, мастерская, трамвайная остановка, табачный киоск... А все, что слева, справа, позади или сверху, прощельг и работяг не интересовало. Они могли поворотить башку и проводить взглядом красивую фигуристую кралю или, изменив маршрут, подвернуть к ларьку с нарзаном. Но такая вольность в их привычном поведении встречалась редко.

---

²³ Бездарный фраер – легкомысленный, бесполезный человек.

²⁴ Валет – дурак; лицо, прислуживающее авторитетам.

²⁵ Протаранить чичи – выколоть глаза.

²⁶ Вальнуть – порезать, убить.

А этот тип двигался по улице, цепко и внимательно оценивая все, что творилось вокруг. Он успевал рассмотреть каждого встречного прохожего, каждый проезжавший мимо автомобиль или велосипед, все магазины и учреждения в первых этажах зданий.

Мужик в штатском заинтересовал Лавра, и тот пристально следил за каждым его шагом. Впрочем, интерес к нему тотчас пропал бы, если бы объект проследовал мимо Таганского военкомата. На кой он ему сдался? Мало ли шляется всяких по Москве...

Но мужик повернул к его старому корпусу и по-хозяйски вошел в парадное.

«Наш!» – обрадовался Лавр.

С тех пор, стоило высокому появиться в поле зрения, бандит не спускал с него глаз.

* * *

Свою криминальную карьеру Лаврушка начинал с девяти лет обычным форточником. Уже в этом нежном возрасте он отлично разбирался в ценах на краденое: что и сколько стоит у барыг, на московских барахолках и блошиных рынках. А потому безошибочно определял, какие вещички следует прихватить из чужой квартиры в первую очередь.

Повзрослев и увеличившись в габаритах, он уже не пролезал в форточку. Пришлось пере-квалифицироваться в телефониста²⁷. Эта воровская специальность была интереснее, но требовала большего мастерства, так как работать приходилось в присутствии хозяев квартиры.

Незадолго до войны Дед Сафрон повелел ему учиться на карманника. «У тебя пальцы настоящего музыканта, – сказал он. – Такими лучше всего подрезать сумки и карманы в набитом пассажирами транспорте. А станешь марвихером²⁸ – все остальное покажется сущей безделицей...»

Авторитетные блатные поговаривали, будто и сам Дед Сафрон в юности неплохо чистил карманы. Начинать простым ширмачом – заходил в транспорт, держа в руке какой-нибудь предмет: пиджак, сверток, букет цветов... и, прикрываясь им, орудовал в карманах попутчиков. К шестнадцати годам стал хорошим щипачом, работал в группе, используя исключительно ловкость рук. Двое отвлекали жертву, а Сафрон опустошал ее карманы.

Постепенно дорос до марвихера и с тех пор пользовался общественным транспортом исключительно в качестве пассажира. А таланты своих чувствительных пальцев раскрывал в шикарных московских ресторанах, в театрах и даже на похоронах. Пальцы у него были удивительные. В антракте спектакля он мог вытащить из кармана курившего рядом мужчины часы лишь для того, чтобы узнать время. Или дорогую зажигалку исключительно с целью прикурить.

Предсказание Деда Сафрона сбылось: освоившись и набив руку, Лавр действительно почуял небывалую уверенность и безошибочно определял будущую жертву – человека небедного и в то же время несобранного, рассеянного. Таковые подходили лучше всего. Но что особенно важно, он научился распознавать тихарей из уголовки.

Поймать профессионального карманника всегда было крайне сложно. Для начала требовалось вычислить его среди огромной массы людей. Это означало, что охотникам (чаще это были сотрудники МУРа) надлежало владеть огромным багажом знаний. Типичная внешность, особенности поведения, мимика, взгляды... Но и этого было недостаточно. Почуввав опасность, карманник мгновенно скидывал добычу на пол, после чего доказать его вину становилось невозможно.

«Огласить предъяву» можно было только в одном случае: когда карманника ловили с чужим кошельком в руках. Провернуть такой финт могли далеко не все оперативники – тре-

---

²⁷ Телефонист – вор, проникающий в квартиру под видом телефониста.

²⁸ Марвихер – привилегированная каста карманников, работающих только руками. Марвихеры интересовались исключительно кошельками состоятельных людей, иностранцев.

бовались настоящие виртуозы. Их-то Лавр и наострился отличать в однородной толпе простюдинов.

Самыми опасными противниками оказались как раз тихари из МУРа. Эти так ловко маскировались под обычных граждан, что раскусить их стоило огромных усилий. Они мастерски прикидывались пьяницами, бездомными, торгашами, а иногда и... ворами-карманниками. Едет такой в старом тесном травмайчике и едва заметной мимикой подначивает настоящего вора: «Давай, чего дрейфишь? Смотри, как я лихо работаю!..» Р-раз – и вытащит шмеля²⁹ у своего же подставного. Настоящий карманник, подстегиваемый чужой удачей, тут же лезет в карман ближайшей жертвы. И, конечно же, попадаетея тепленьким.

Прежде чем приспособиться и научиться распознавать этих ушлых «товарищей», Лавр трижды едва не оказался в их лапах. После стал умнее, осторожнее. Если что не нравилось или кто-то казался подозрительным, к работе не приступал и без раздумий линял в другое место.

Вот и этот высокий тихарь, ежедневно шастающий в старый корпус Таганского военкомата, сразу ему не понравился. Обычные армейские офицеры – даже те, кто ходил по улицам Москвы в штатском, – держались просто и скромно. Встречались, правда, и такие, которые выпячивали грудь с «иконостасом». Или несли себя с гордым петушиным видом, презрительно не замечая никого вокруг. Дескать, вот я какой – прошел огонь и воду!..

Этот замечал все. И по едва уловимым внешним признакам – по взгляду, по походке, по положению головы и рук – Лавр безошибочно определил, что имеет дело не с затрапезным военкомовским служакой, а с кем-то более серьезным и опасным.

* * *

Небольшую, пропахшую хлоркой и горелыми сухарями столовку при бухгалтерских курсах посещала почти вся округа: продавцы из бакалеи «Промторга», мастера из ближайшей парикмахерской, какие-то работяги в засаленных робах и, разумеется, работники Таганского военкомата.

Прошвырнулся по ее блевотному нутру и Лавр. Не снимая фуражечки, вразвалку прошелся вдоль очереди, заглянул через плечо молодой девицы. И пошел прочь к выходу, потому как не привык к таким жидким харчам.

Высокий тихарь посещал столовку не один. Который день подряд за ним увязывался молодой парень лет двадцати четырех. Сержант или младший офицер, не имевший опыта работы. Это было заметно по уважительному взгляду, которым тот «облизывал» старшего напарника. Вот и сегодня эта парочка направилась обедать вместе.

- Возвращаются, – заметил Лавр вышедших из столовки. – Что там вокруг?
- На Марксистской тихо, – буркнул все еще надутый Валька Неукладов.
- В сторону Воронцовской тоже никого, – вторил ему Косой.
- Тогда айда за мной...

Дав мужику с пареньком отойти на полсотни метров, троица покинула лавку под кустами сирени и двинулась следом...

Сегодняшний день был решающим. Ранним утром, напутствуя молодежь перед отправкой в Глотов переулоч, Дед Сафрон сказал:

– Сегодня в Таганском заканчивают лопатить дела бывших вояк. Если не заметите ничего необычного, то вечером – как сгинет толпа военкомовских – приступаем...

Оценив груз ответственности, Лавр не спускал глаз со всех, кто заходил и выходил из старого корпуса. С замиранием сердца следил за проезжавшими мимо автомобилями. Он изучал каждую мелочь; прислушивался к голосам, доносившимся через распахнутые окна, и даже

²⁹ Шмель – кошелек.

принюхивался. И не находил ни одной детали, отличной от тех, что он наблюдал двумя днями ранее. Все было точно так же: несуетливо, буднично. Только когда утром Лавр снова увидел высокого тихаря, одна деталь немного удивила его. На подбородке у мужика белела какая-то отметина. «Пластырь! – приглядевшись, догадался племянник Сафрона. – Порезался и заклеил пластырем...»

Вечером, около шести, Лаврушка сбегал к телефону-автомату на Воронцовскую улицу, позвонил на городскую хату, где ждал Дед Сафрон, и произнес условную фразу: «Профсоюзное собрание отменяется, домой вернусь вовремя». Это означало, что ничего подозрительного за третий день наблюдения не замечено, никто из сотрудников военкомата не думает о готовящемся налете.

В половине седьмого опустело основное здание Таганского военкомата. В течение следующего часа остатки служивого люда покидали старый корпус.

Без четверти восемь в Глотов переулок на легковушке прибыли Дед Сафрон и Беспалый. Постепенно подтягивались к месту будущих событий и остальные кореша.

– Нарисуй обстановку, – приказал Дед.

– В старом корпусе осталось пятеро. Два казачка³⁰ сидят на входе, три швейцара в большом кабинете, – отрапортовал Лавр.

– Копошатся с делами?

– Точно.

– А что в основном?

– Там только охрана. Двое. Занимаются уборкой.

Беспалый глянул на часы.

– А швейцары, значит, еще при делах. Чего ж так долго-то?

– У них сегодня последний день. Кхы... кхы... – закашлялся от курева Дед. – Неизвестно, сколько они будут сидеть.

– Так чего ж тогда ждать? Начинаем?

– Не гони лошадок. На улице многолюдно – народ с работы домой возвращается. Начнем через полчаса...

* * *

Спустя двадцать пять минут ничего не изменилось – сержант с рядовым бойцом по-прежнему охраняли вход в старый корпус, а в самом большом кабинете единственного этажа продолжали работать три офицера. Разве что прилегающие к военкомату улицы и в самом деле опустели – рабочий день окончился, люди разошлись по домам.

Всего для налета на военкомат Дед Сафрон задействовал более двадцати человек. Восемь из них, разделившись на пары, прогуливались вокруг квартала. Они должны были перехватывать патрульных милиционеров в том случае, если не получится обстрелять дельце быстро, в тишине и согласии.

Троим корешам Сафрон поручил разобраться с охраной нового корпуса. Перед оставшимся штурмовым отрядом стояла самая ответственная и сложная задача: ликвидировать охрану в старом корпусе и захватить личные дела бывших военнослужащих. По мелким переулкам, идущим в стороны от широкой Марксистской улицы, поджидали две легковушки и «полуторка». На этом транспорте банда должна была исчезнуть из города сразу после налета.

– Сколько там набежало? – спросил Дед, докурив папиросу.

Беспалый выдернул из кармана часы:

– Восемь пятнадцать.

---

³⁰ Казачок – рядовой охранник, низший чин, человек на побегушках.

– Пора. Просемафорь, Лаврушка.

Гончий метнулся к углу ближайшего дома, за которым перекуривала и ждала сигнала первая тройка корешей...

Глава четвертая

Москва, Готов переулок; июль 1945 года

Старый корпус Таганского военкомата имел адрес: улица Марксистская, дом 28. Казалось бы, все просто. Однако в данном адресе имела одна особенность: здание находилось не по шумной Марксистской, а в глубине квартала – ближе к скромному и тихому Готову переулку.

Корпус был построен очень давно. Поговаривали, что заложен он был при царе Александре Павловиче, а окончательно заселен при Николае I. Метровой толщины стены из красного семеновского кирпича, высоченные потолки, узкие окна с надежными деревянными рамами, под ногами скрипучие дубовые половицы.

Когда-то в Москве все постройки были такими же основательными, крепкими. Зимой они отлично держали тепло, в летний зной сохраняли приятную прохладу. Казалось, что время над ними не властно – многие дома, возведенные в восемнадцатом-девятнадцатом веках, стояли как новенькие и практически не требовали ухода.

Почти не пострадал за прошедшее столетие и старый военкоматовский корпус: по стенам и фундаменту ни одной трещины, целехонькая крыша; ровные, без перекосов дверные и оконные проемы. Местами, правда, облупилась до красного кирпича штукатурка; немного поизносились ступени каменного крыльца. В остальном – шик и блеск.

Начальство Таганского военкомата шло в ногу с прогрессом: от ближайшего столба к зданию тянулись провода, во всех помещениях горели электрические лампочки, в здании имелось несколько телефонных линий, а в конце длинного коридора располагалась уборная с водопроводом и канализацией. Вряд ли офицеры и гражданские сотрудники захотели бы добровольно покидать уютные кабинеты. Да вот беда – штат военкомата увеличивался, и обустривать новые рабочие места стало просто негде. Потому-то рядом и выросло новое, современное здание, записанное по адресу: улица Марксистская, дом 28/1.

* * *

Изредка поглядывая на часы, майор Васильков заканчивал сверку кодовых цифр, представленных на «личных делах» и в длинном общем списке, состоящем из сотни листов единого размера. Работы оставалось минут на пятнадцать.

Старший лейтенант Баранец сидел рядом за тем же столом. Беря из высокой стопки очередное «личное дело», он называл фамилию и диктовал представленный на лицевой стороне картонной папки трехзначный код. Васильков отыскивал в списке названную фамилию и, если цифры совпадали, ставил карандашом маленькую галку.

Подполковник Туманов готовил обработанные «дела» к отправке в Московское управление милиции.

Целую неделю шла нервная, напряженная работа. И вот она подошла к завершению. Напевая в пшеничные усы, подполковник складывал папки в ровные стопки по пятьдесят штук и связывал их суровым шпагатом. Затем относил ближе к двери и устанавливал рядком вдоль стены. Примерно через час из Управления за этим хозяйством должна была прибыть грузовая автомашина.

Донесшаяся из коридора возня поначалу никого не насторожила. Она не показалась странной и необычной хотя бы потому, что смолкала только на ночь. Днем из кабинета в кабинет шастали сотрудники, в коридоре топтались призывники и их родственники. Вечером, когда корпуса военкомата пустели, дежурный наряд приступал к уборке помещений и коридоров обоих корпусов. Солдатики гремели ведрами, топали по коридорам, набирали в уборной воду,

возили по полу тряпками... При этом, не стесняясь оставшихся офицеров, перекрикивались и болтали о своем.

Посреди возни раздался странный приглушенный щелчок, похожий на стук упавшей швабры. Туманов с Баранцом даже не повели ухом – мало ли безруких растяп среди срочников!

Васильков поднял голову и замер. Уж больно щелчок этот походил на выстрел револьвера. Отложив карандаш, майор переключил внимание на происходящее в коридоре...

На несколько секунд там стало тихо. Затем недалеко от двери кабинета скрипнула половица.

Александр понял, что по коридору кто-то крадется, стараясь не производить шума. Местные солдаты так тихо не ходили – топот их тяжелых кирзовых сапог был слышен во всех кабинетах.

Ладонь Василькова нащупала рукоятку торчащего за поясом «ТТ».

– ...Четыре, два, четыре. Александр Иванович, код Федора Балакирева – четыре, два, четыре, – несколько раз повторил Баранец.

– Тс-с, – Васильков прижал к губам указательный палец.

– Что случилось? – прошептал Ефим.

Вместо ответа майор поднял пистолет и бесшумно взвел курок.

Глаза Ефима округлились. За полтора месяца совместной работы с Александром Ивановичем он привык к тому, что тот по пустякам не волновался и других не беспокоил. И уж если он достал оружие, значит, происходит что-то серьезное.

Ефим хотел задать очередной вопрос, но за дверью что-то грохнуло, и она шумно распахнулась.

Дальнейшее происходило настолько быстро, что сознание молодого старлея успевало фиксировать только отдельные яркие моменты. Сидевший рядом Васильков трижды пальнул в ворвавшихся молодчиков и резко толкнул его в плечо. После толчка Ефим полетел со стула и больно ударился головой о ножку соседнего стула.

Майор опрокинул тяжелый стол и, оказавшись рядом на полу, помог Баранцу вытащить пистолет.

– Очнись! – обдал его щеку горячим шепотом Васильков. – Держи под прицелом дверь, я – к окнам!..

Рядом бахали выстрелы; между стенами металось эхо. По мебели и штукатурке шелкали пули. На улице и в коридоре слышались топот и отрывистые команды.

Возле двери, не подавая признаков жизни, лежал подполковник Туманов. Когда дверь распахнулась, он стоял неподалеку и выравнивал стопки «дел» у стены. Ему и достались первые пули.

Налетчики раз за разом появлялись в дверном проеме и по очереди палили из пистолетов и револьверов. В руках одного (в темном картузе) мелькнул обрез винтовки. Винтовочные пули могли с легкостью прошить деревянные баррикады сыщиков, и Александр сосредоточил огонь на этом типе. Вскоре пробитый пулей картуз слетел с головы бандита, пропал и сам бандит.

Изредка огрызался выстрелами и Баранец. Если бы Васильков не напомнил ему об экономии боеприпасов, старлей с перепугу расстрелял бы оба магазина за минуту.

Да, у Ефима было с собой всего два магазина. Один в рукоятке пистолета, другой в правом кармане широких брюк. Шестнадцать патронов! Знал бы, что приключится такая беда, не пенял бы на лишнюю тяжесть – таскал бы с собой полсотни патронов, как это делал прошедший войну Васильков.

Обустроив Ефиму удобную позицию для обороны входа, майор юркнул между столами к дальней стене. Оттуда неплохо простреливались все четыре окна, выходящих в Готов переулок.

– Восемь, – выстрелив, прошептал Васильков. И, поменяв в пистолете магазин, принялся снаряжать пустой патронами...

«А ведь что-то похожее в моей жизни уже происходило! – пульсировала в его голове назойливая мысль. – Верно! Было дело. Держали вот так же с мужиками оборону на старой водяной мельнице...»

* * *

Дивизионная разведка дальше двадцати километров за линию фронта не ходила. Не было такой нужды. Глубже «ныряли» ребята из фронтовой разведки, в немецкой форме и в совершенстве владеющие немецким языком. Васильков со своими орлами много раз сопровождал их на задание и много раз встречал.

Однажды, проводив такую группу километров на тридцать, возвращались к своим. У всех за спинами немецкие МР, только у Ярцева наш «папаша»³¹, а у старшины Петренко – немецкий карабин Mauser 98k. Любили они эти тяжелые и неудобные стволы, вот и таскали, не расставаясь.

Разведчики вымотались, двое суток не спали, устали как черти. Слегка потеряли бдительность и, как водится в таких случаях, наварались на немцев. Да не на какой-нибудь обоз, не на трофейщиков или санитаров, а на свеженький взвод пехотинцев, двигавшихся лесной тропой в колонну по одному.

Схорониться не удалось – немцы заметили и сразу же пошли в атаку. Забросав первую толпу фашистов гранатами, разведчики решили оторваться.

Надолго их не хватило – через пятьсот метров стали задыхаться и перешли на быстрый шаг. Немцы догоняли. Благо дело происходило в густом лесу при минимальной видимости, не то постреляли бы всех в спину.

Из последних сил прошли еще с километр, покуда не наткнулись на заброшенный домик у быстрого ручья. «Старая водяная мельница!» – сообразил Васильков и приказал изготавиться к бою.

Почти все деревянные элементы полуразрушенного здания сгнили, зато стены, некогда возведенные из крупного булыжника, стояли как новенькие. Отлично сохранившиеся, они могли послужить неплохой защитой в бою.

Забежали внутрь, осмотрелись, распределились по дверям и оконным проемам. А тут и немцы подоспели.

Первых выкосили дружным огнем, но после пришлось туго. Стоит высунуться, как с десяток пуль тут же впиваются в булыжник, обдавая лицо и руки мелкой крошкой.

Вскоре из-за плотности вражеского огня подойти к проемам стало совсем невозможно. Васильков приказал занять позиции в глубине строения. В центре помещения имелся мощный фундамент, над которым высилось нагромождение из остатков колесной оси и механизма с каменными жерновами. Сам Александр с парой бойцов остался под окнами присматривать, чтобы гитлеровцы не подошли вплотную и не забросали разведчиков гранатами.

Но те не спешили использовать гранаты. Похоже, немецкий взводный приказал своим солдатам брать русских живыми. И вместо, казалось бы, простого решения те ринулись штурмовать древнее каменное строение...

---

³¹ «Папаша» – советский 7,62-мм пистолет-пулемет образца 1941 года системы Шпагина («ППШ»).

* * *

– Кто они, товарищ майор? Чего хотят? – начал приходить в себя молодой старлей.
– Потом разберемся! Позже... – Васильков выстрелил в мелькнувшую в оконном проеме тень. – Сейчас нужно удержать этот кабинет до приезда милиции.

– А приедут, Александр Иванович? – Парень посмотрел на бывшего разведчика. Взгляд его был наполнен такой бесконечной тоской, что Сашке стало его жаль.

– Ну как же не приедут, Ефим?! – подбодрил он уверенным голосом. – Вокруг столько людей! Кто-нибудь наверняка позвонил и сообщил о перестрелке. Что с патронами?

– Вроде есть. – Баранец неуверенно поглядел на свой пистолет.

– Вроде на огороде, товарищ старший лейтенант! – с шутливой строгостью отчитал Васильков подчиненного. – Считать надо выстрелы! Кинь пустой магазин...

Снаряжая патронами магазин товарища, майор успевал бросать взгляды на окна и дверь. При необходимости вскидывал пистолет и производил выстрел. За семь-восемь минут перестрелки ему удалось уложить того коридорного черта в картузе и задеть парочку нападавших – он отчетливо слышал их стоны и сдавленные матюги.

Однако радости от этого было мало. Сашка догадывался, что охрана нового корпуса Таганского военкомата ликвидирована так же, как и охрана старого. Милиция почему-то задерживалась. На помощь жильцов из соседних домов рассчитывать не приходилось – никто из них добровольно под бандитские пули не полезет. А боеприпасов с каждой минутой становилось все меньше.

Обстоятельства складывались не лучшим образом, но Васильков виду не подавал. Не хотел он, чтобы его напарник запаниковал и наделал ошибок.

* * *

Накрепко обосновавшись в мельнице, разведчики держались.

Немчура наседала. В группе появились потери: одного бойца убило – винтовочная пуля снесла часть лобовой кости. Другой был ранен в бок, но пока держался и стоял на ногах.

Через небольшой проем в стене старшина садил из карабина, удерживая ручей и не пропуская через него атакующих. Двое разведчиков контролировали высокий дверной проем, к которому через лес петляла заросшая травой и кустами грунтовка. Васильков отвечал за оконные проемы, один из которых был разломан до фундамента и фактически превратился во вторую дверь.

В разгар боя он заметил трех фрицев, бегущих снаружи вдоль оконной стены по обломкам разбитого булыжника. Он хладнокровно прицелился и выстрелил в первого. Тот упал. Второго он ранил. А в третьего выстрелить не получилось – у немецкого «МР-40», верой и правдой служившего два года, вдруг заело затвор.

Дело плевое, но для решения требует нескольких секунд. А их не было. Третий – высокий рыжеволосый фашист с белесыми ресницами и красными как у быка глазами, с закатанными по локоть рукавами – ворвался сквозь разломанное окно внутрь мельницы. Первым он заметил Сашку и побежал к нему, держа в руках винтовку с примкнутым ножевым штыком.

В рукопашной схватке это было страшное оружие, и немец предвкушал легкую победу. Надежды на товарищей у Сашки было мало, в том смысле, что все они палили по своим секторам и в суматохе могли не заметить появившегося внутри мельницы фрица.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.